

К Р О К О Д И Л

№ 34 МОСКВА 30 ОКТЯБРЯ 1945 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIV ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 60 КОП.

Рис. М. Черемных.

ТРИ БОГАТЫРЯ

Новый вариант картины В. Васнецова. Семья Ивановых: сын Добрыня, отец Илья и сын Алёша. К награждению их медалями «За победу над Германией», «За доблестный труд» и «За победу над Японией».

Фамильный герб магнитогорского доменщика Алексея Шатилина.

К ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДОВЩИНЕ

Рис. С. Костяна

— Напиши мне, милый, телеграммы, а то я очки забыла.
 — А много писать?
 — Да нет, пустяки, только детям: в Берлин — четыре, в Порт-Артур — три, в Вену — две и одну в Елабугу.

СВЕТЕЛ и радостен наш праздник.

Советский народ-победитель празднует день рождения своего государства в мирной обстановке. Молодо советское государство: двадцать девятый год ему пошёл. А какая богатая жизнь им уже прожита!

Сколько отсталых государств, сколько гнилых правительств рухнуло за это время! Сколько лопнуло раздувшихся реакционных ничтожеств, потрясавших кулаками перед нашим носом!

Год тому назад ещё пыжилась и надувалась из последних сил гитлеровская Германия. Она ещё держала в своих костенеющих руках народы Европы. Ещё пытался каркать Гитлер. Ещё вопил истощенным голосом Геббельс. На себя, на свои силы они уже не надеялись. Они звали к себе на помощь против СССР своих друзей в Англии и США.

Сочувствовали эти друзья, соболезновали, старались помочь, пытались отсрочить гибель Германии... Не вышло! Красная Армия довершила своё великое дело. Весь советский народ помогал ей. Свой долг выполняла и советская печать.

Посильно работал и Крокодил. Он поддевал на вилы всякую фашистскую дрянь. На его зубах хрустели косточки фашистских уроков...

Война окончилась. Враг разгромлен. Идёт демобилизация. Народы возвращаются к мирному труду.

Не пришёл ли час демобилизоваться и Крокодилу? Не перековать ли ему свои вилы на другой, полезный в хозяйстве предмет — на кочергу или ухват? Не положить ли ему зубы на полку? Не поджечь ли хвост в знак мира, всепрощения и любви?

Мы слышим за рубежами нашей страны такие умильные предложения. Овечки из газет Херста упрекают нас в недоверии к ним. Агнцы из «Дейли мейл» сокрушаются: «Ах, почему вы так подозрительны?»

Нет, Крокодил не сменит вил на ухват. Он не положит зубы в стакан с водой: они у него не вставные. Он не подожжёт хвост.

Война окончилась, Геббельс издох, но голос его доносится к нам из грязнейших закоулков профашистской печати. Мы слышим «греческие» романсы в Англии и «испанские» серенады в Америке.

Мы видим, как газетные миролюбивые овечки оскалили волчьи зубы. Мы слышим громы не из тучи, а из навозной кучи. Нас пугают, а нам нестрашно.

Много ещё дряни осталось в мире! Ещё много работы у Крокодила на международном поле. Есть и домашняя кое-какая работёнка...

Война окончилась. Развёртывается гигантская работа в Советской стране. Крепко держат винтовку в руках наши славные пограничники. Крепко стоит на страже мира героическая Красная Армия, освободительница народов.

Стоят на своём скромном посту и Крокодил. На мирном положении он не выпускает вил из своих лап. Его сердце полно любви и радости. Он готов насмерть задушить в своих объятиях всякого, кто посягает на безопасность, мир и покой нашего государства, кто подкапывается под основы социалистического труда.

Поздравляем наших читателей со светлым праздником Великой Октябрьской социалистической революции!

Британия, ужели ты довольна,
Что плачет грек, который слаб и сир?
В хищениях таких признаться больно.
Ты за себя краснеть заставишь мир!..

Без горя на тебя глядеть нет мочи,
О, Греция! Прах милый схож с тобой!
Чьи горьких слёз не проливают очи,
Глядя на искажённый образ твой?

(Байрон «Паломничество Чайльд-Гарольда», 1809—1817 г.)

Рис. К. Елисеева.

УПРАВДОМ: — Эх, год тому назад сколько бы я тут штрафов набирал за нарушение светомаскировки!..

В О С П О М И Н А Н И Я

ПИТЬ ещё не начинали, но гости уже настраивали себя на веселье, как настраивают инструменты в оркестре перед началом оперы. Больше всех, по обыкновению, неистовствовали непьющие.

— Полней, полней! До довоенного уровня наливай! — кричали они хозяину, подсаживаясь поближе к бутылкам с сидром.

— Только не выше, чур! Прольём! — спокойно пошучивали любители выпить, под шумок придираясь к себе бутылки с сорокаградусной.

Хозяин взял в руку стопку и постучал ножом по тарелке, как дирижёр по пульту:

— Внимание, граждане...

— Сигнал воздушной тревоги! — торопливо подсказал молодой человек, решивший, что уже пора остеречь, и опасавшийся, как бы его не опередили.

Хозяин поставил стопку на стол.

— Вот этого-то и хотелось бы избежать, — сказал он, не глядя на остряка. — То есть всяких экскурсий в область, так сказать, мирного времени. Впервые, я повторяю, впервые за четыре года мы празднуем этот день в мирной обстановке — и... Давайте не превращать его в вечер военных воспоминаний! Уговорились?

— Правильно! Правильно! — закричали все, кто дождался первого бутерброда и не успел ещё приняться за второй.

— Чего уж правильней! — подтвердил гость средних лет, чокаясь с хозяином. — Я как раз

об этом сейчас думал. Зачем, в самом деле, напоминать о войне, когда всё вокруг напоминает о мире? Взять хотя бы это, можно сказать, символическое незатемнённое окно...

— Мама затемнение в комод спрятала! — присоединился к «предыдущему оратору» полудремавший на коленях у матери пятилетний Алёк.

— Слышали? — радостно подхватил «предыдущий оратор». — Этот родившийся меж двух бомбёжек гражданин не знает даже слова «затемнение». Для него это — «затемнение»...

— Которое мама спрятала в комод! — добавил хозяин. — И не будем его оттуда вытаскивать, Пал Палыч. Мы же уговорились: ни о затемнениях, ни о сиренах...

— А если я Розу Гиацинтовну обольстительной сиреной назову? — спросил молодой остряк и, не рассчитывая ни на чьё чувство юмора, стал смеяться первым.

По лицу Пал Палыча пробежала лёгкая тень воспоминания.

«Сейчас о сиренах начнёт», — подумал хозяин и профилактически протянул гостю портсигар:

— Курите, пожалуйста.

Пал Палыч прикурив от предложенной хозяином зажигалки и раньше, чем тот успел её попустить, сделал это сам.

— Привычка, — пояснил он, улыбаясь. — Я, ежели помните, и не такие зажигалки...

— Помню, помню! — поспешил согласиться

хозяин. — В одном, чай, дворе дежурили. Но говорить об этом...

— Я и не говорю, — смиренно сказал Пал Палыч. — А только в чине вы меня зря понизили! Я не во дворе стоял, а на крыше...

Он пустил струйку дыма и, мечтательно помолчав, продолжал:

— Незабываемый это, однако, вид с крыши на город, который бомбят! Прожекторы шарят по небу, зенитки бабахают, облачка разрывов...

— Пал Палыч! — взмолился хозяин. — Мы же угово...

В это время за окном вспыхнули огни праздничной иллюминации.

— Скорей, затемнение, Аничка! — крикнул хозяин, бросаясь к окну.

— Затемнение?! — обрадовался Пал Палыч. — Ведь мы же уговорились...

Но его уже никто не слушал. Из тёмной, как театральная ложа, комнаты все смотрели на освещённую улицу. Там было светло, как днём... как праздничной ночью! Тысячи, десятки тысяч огней толпились, сталкиваясь, в тесном для них небе, вспыхивали, чтоб погаснуть, и гасли, чтоб снова вспыхнуть.

От света некуда было деться. Он наполнял небо, землю, многолюдные площади и укромные уголки бульваров, где укрывались влюблённые.

И. ВОЛГИН

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

ЕЩЕ ХУЖЕ

— Сержант, ребята распространяют о вас ужасное вранье.
— Вот как. Ладно, когда они будут распространять обо мне правду, немедленно дайте мне знать. Я изобью зачинщиков до полусмерти.

КРОВНАЯ ОБИДА

— Какова наглость этой кондукторши: посмотрела на меня так, словно я еду зайцем.
— А ты что?
— Я ответила ей таким взглядом, словно у меня есть билет.

ОН БЛАГОДАРИТ

80-летний шантажист был приговорён судом к 20-летнему заключению.
— Благодарю вас, г-н судья, — сказал старик, услышав приговор. — Я не ожидал прожить ещё столько лет!

ОТВЕТ ПО СУЩЕСТВУ

Судья: — Ваше имя?
Подсудимый: — Джон.
Судья: — Состоите ли вы в браке?
Подсудимый: — Да, сэр.
Судья: — С кем?
Подсудимый: — С женщиной.
Судья: — Скажите, вы слышали когда-нибудь о человеке, который состоит в браке не с женщиной?
Подсудимый: — Да, сэр. Моя сестра. Её муж — мужчина.

Нынче вечер в нашей школе,
В женской школе номер пять.
И сейчас Смирновой Оле
Надо будет выступить.

Олю в школе каждый знает:
— Вон Смирнова! Вон она!..
Первоклассница любая
В Олю просто влюблена.
Слушать Олю — наслажденье,
Оля — школьный соловей,
И седой учитель пеня
Обещает славу ей.

И в искусстве и в науке
Оле будущность сулят...
Почему ж сегодня руки
У Смирновой так дрожат?

В зале празднично и строго,
В коридорах шум и гам.
Как всегда, сегодня много
Приглашённых пап и мам.

Сёстры, братья... Всё неново,
Всё обычно!.. Отчего ж
Бьётся сердце у Смирновой
И в руках такая дрожь?

Что случилось в этот вечер
Годовщины Октября?
Я скажу вам, я отвечу:
Соловей дрожит не зря!

Ах, как трудно у рояля
Свой показывать талант,

Коль сидит напротив в зале
Брат подруги — лейтенант!

Сероглазый. Тот, который
Вальс танцует лучше всех,
У кого так звонки шпоры
И такой хороший смех.

Тот, кто в первой выюге снежной
Вас недавно провожал,
Кто так ласково и нежно
Вашу руку задержал.

Кто уехать должен скоро
Снова в армию... увы!
Ну, короче, тот, который...
Ах! Да не поймёте вы!..

Не поймёте вы, мужчины,
Почему среди огней
В день Октябрьской годовщины
Так дрожит наш соловей!

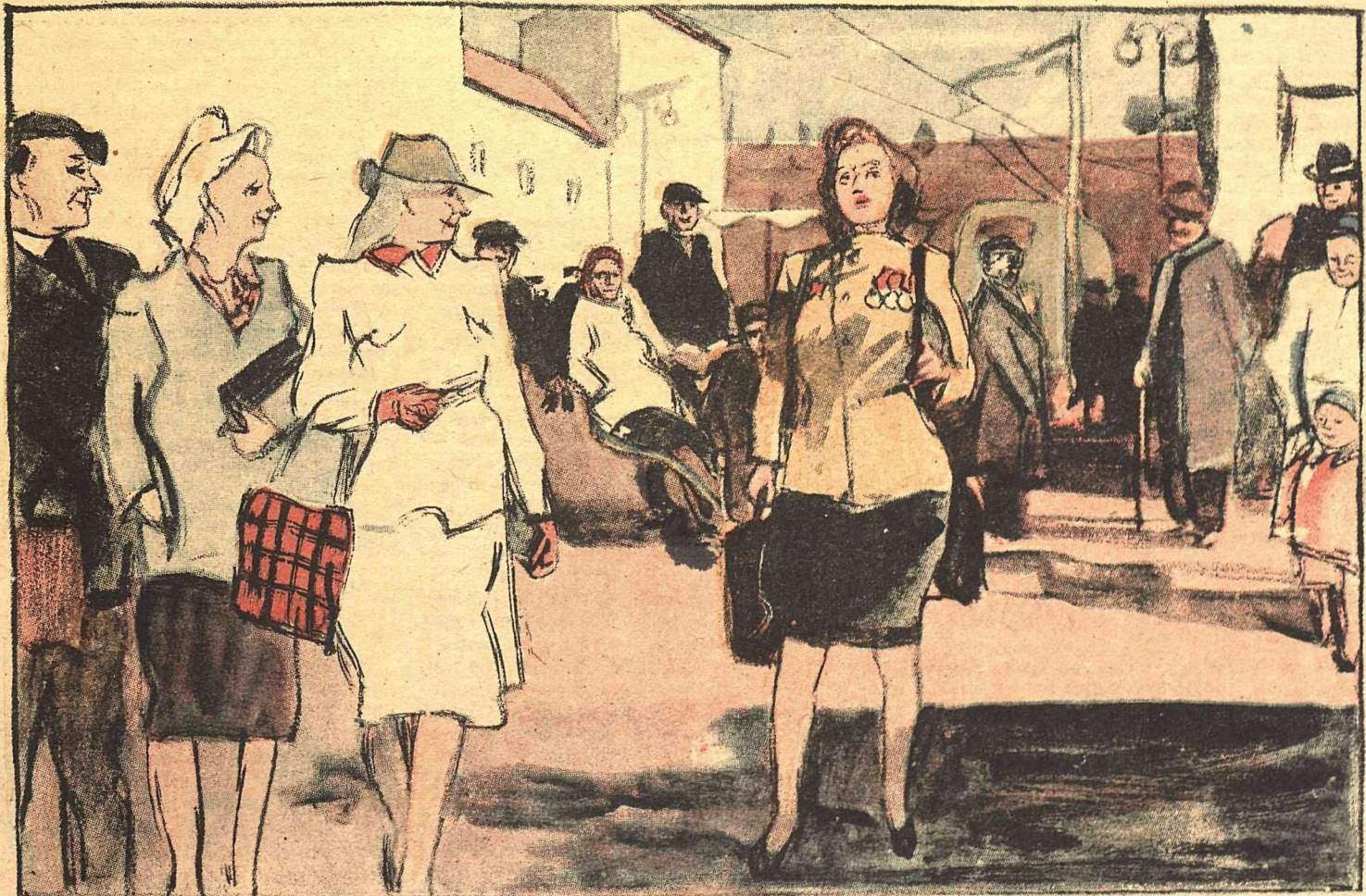
Вы, скучая, ждёте пеня
И не можете понять,
Почему мы все в волненьи
В женской школе номер пять!

Ну, довольно... Т-с-сс!.. Ни слова!
Сядьте тихо вот сюда!..

— Никогда ещё Смирнова
Так не пела! Ни-ког-да!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Рис. В. Горяева.

Шёл солдат с фронта!!!

Всякое бывает...

БЛАНКИ РЕЙХСМИНИСТРА ГЕББЕЛЬСА

МИНУВШИМ летом я посетил виллу, слава богу, ныне покойного рейхсминистра пропаганды Геббельса, находящуюся в районе Потсдама.

Здесь, как и следовало ожидать, оказалось немало различных произведений искусства, наворованных не только в Европе, но даже в Африке.

С виллы колченогого я унёс «на память» пачку именных бланков, на которых Геббельс писал, повидимому, свои личные письма. В левом углу каждого бланка напечатана типографским способом его «фирма» — «Доктор Иозеф Геббельс», — а также свастика и чёрный орёл.

Бланки Геббельса были отпечатаны на очень хорошей бумаге, вполне пригодной для рисунков и эскизов. Я стал пользоваться ими ещё в самой Германии для берлинских зарисовок.

А не так давно в Москве редакция «Окна ТАСС» поручила мне сделать эскиз для плаката на тему о нашей победе над японскими самураями. С особым удовольствием эскиз этого очередного агитплаката я сделал на одном из оставшихся у меня бланков гитлеровского рейхсминистра.

Как видите, не всё в наследии Геббельса абсолютно негодно. Личные бланки бывшего министра пропаганды были использованы для старейшего вида нашей советской агитации — для «Окон ТАСС».

П. СОКОЛОВ-СКАЛЯ,
лауреат Сталинской премии

ДЕТСКОЕ ПРИДАНОЕ

В ТЕ ДНИ, когда во Франции хозяйничали немцы и их прислужники Лаваль и Петэн, мне и моей жене Эльзе Триоле пришлось прожить много дней под вымышленными фамилиями на конспиративной квартире.

Было бы очень подозрительно, если бы мы жили, не получая писем и не принимая гостей. Соседи бы обвинили нас в скупоści, а полиция, вероятно, заинтересовалась бы нашей необщительностью.

Поэтому в целях конспирации нам писал один из товарищей по подполью. В своих письмах он намёками рассказывал об успехах наших организаций, сообщал адреса для пересылки подпольной литературы.

И вдруг мы получили письмо, что ему обменяли чемодан и он получил ненужное ему детское приданое.

Позже он рассказал нам подробности случившегося.

Он должен был получить в камере хранения чемодан с подпольной литературой.

Ему выдали чемодан, и он, не задерживаясь, помчался домой, где его должны были ждать товарищи.

Закрыв плотно двери, приспустив занавеси на окнах, друзья открыли чемодан и расступились. В чемодане лежали аккуратно сложенные пелёнки, чистые слюнявчики, нарядные распашонки.

— Здорово придумано! — сказал один из друзей. — Вероятно, листовки в распашонках, а брошюры завернуты в слюнявчики.

Можете себе представить лицо нашего друга в тот момент, когда друзья пытались проверить свою гипотезу!

Ехидные вопросы посыпались на него тотчас же, как только была проверена последняя пелёнка:

— У тебя появились дети?
— У тебя талант конспиратора даже в любовных делах!
— Кто же она?

Озадаченное лицо владельца чемодана только утвердило товарищей в правильности их предположений, а когда, постучавшись, вошла милостивая соседка, сомнений ни у кого уже не было.

Отпираться было бесполезно, да и не было времени. Жан (так звали нашего приятеля) побросал в чемодан детские вещицы и побежал на вокзал. Он ведь рисковал жизнью, если бы его чемодан был открыт кем-либо.

Девушка из камеры хранения вежливо извинилась и возвратила ему чемодан. Оказывается, его багаж случайно попал к французскому полицейскому инспектору, недавно ставшему отцом. Счастливым папаша, разглядев, что это не его чемодан, не поинтересовался его содержанием.

Так французский инспектор проморгал повышение по службе.

Луи АРАГОН

НЕГОДУЮЩИЙ ХОЗЯИН

В ТИХОМ, уютном городке, у подножия Австрийских Альп, в аккуратном особнячке поселился кинорепортёр одной из союзных армий. Вместе с шофёром он занял верхний этаж и одну из комнат приспособил под зал для просмотра трофейных кинофильмов. Иногда по вечерам мы просматривали на маленьком экране картины, сделанные в гитлеровской Германии.

Однажды хозяин особнячка попросил разрешить ему присутствовать на просмотре. Это был полный человек с седеющей бородкой и следами опавшего брюшка. Говорил он вкрадчиво и тихо и никогда не упускал случая ругнуть Гитлера и его присных.

О себе он говорил, что с момента «аншлюсса» — присоединения Гитлером Австрии к Германии — он никуда не выезжал из этого городка.

— Иногда только я уходил в горы. Там, по крайней мере, не приходилось встречаться с этими нацистскими собаками, с этим проклятым сбродом.. Каждый честный австриец ненавидел их.

Вместе с нами хозяин особнячка просмотрел какой-то пропагандистский цветной фильм, содержание которого сводилось к тому, что на земном шаре должны господствовать немцы и только немцы.

Полчаса после этого наш домовладелец ругался и плевался.

— Я ни разу не был в кино за все семь лет этого проклятого «аншлюсса», — говорил он нам.

Потом стали просматривать кинохронику, выпускавшуюся ведомством Геббельса. Когда из экрана появлялся кто-либо из видных наци, наш хозяин извергал по их адресу фонтаны брани.

Промелькнул Геринг. Хозяин зашипел: — Поганный бегемот, дублёная шкура, потомок ихтиозавра!

Показался Гиммлер. Наш беспокойный зритель, стараясь перекрыть звуковое оформление фильма, то и дело выкрикивал:

— Мерзкая личность! Если бы он не покончил с собой, я охотно придушил бы его собственными руками!

В одном из выпусков хроники появился на экране сам «фюрер». Показывали его торжественное прибытие на совещание гаулейтеров оккупированных областей. Гаулейтеры, стоя, приветствовали его. Потом один из них взошёл на трибуну и по поручению собравшихся сказал прочувствованную речь.

Наш хозяин на этот раз не шипел и не бесновался. Наоборот, почему-то стал нервно ёрзать в своём кресле. И мы тотчас поняли, по какой причине он замолк.

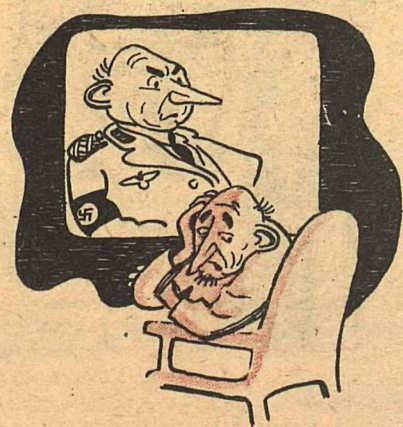
Гаулейтер, говоривший с экрана, был не кто иной, как он сам. Правда, подборонок гаулейтера в те времена, когда снимался фильм, не имел седеющей бородки, он был чисто выбрит. И брюшко не было тогда опавшим: оно было довольно-таки округлым. И вкрадчивости в манере говорить тоже не было. И осанка была другая.

И вообще по ходу фильма мы узнали, что наш негодующий хозяин вовсе не был австрийцем, как он всё время доказывал, узнали также его подлинное имя, и фамилию, и место, где он в годы оккупации являлся гаулейтером.

Одним словом, прямо с киносеанса пришлось отправить владельца особнячка куда следует.

Позже мы узнали, что особнячком у подножия Австрийских Альп и австрийским паспортом предусмотрительный гаулейтер — чистокровный немец по происхождению — запасся ещё задолго до разгрома гитлеровской Германии.

М. ПОЛЯНОВСКИЙ,
гвардии капитан

Это сделал Парамонов

САМ я из города Погорельска. Здравствуйте! Очень рад познакомиться. Что? Вы не слышали о таком городе?

Сейчас услышите. За этим я и приехал в столицу. Нет, спасибо. Я стоя буду рассказывать. Когда волнуясь, не могу сидеть.

Хочу поведать вам историю моего города. Для краткости начну прямо с Адама.

Не пугайтесь. Я имею в виду не того Адама, который питался плодами в раю. Закурить можно? Когда волнуясь, я обязательно должен курить.

Дантист города Погорельска Адам Антонич имеет толстую серую тетрадь, в которой отмечены некоторые любопытные штрихи из жизни нашего уважаемого населённого пункта.

Дантисту когда-то присвоили кличку Бомбей. Почему? За что? Непонятно. До революции ни один доможитель Погорельска не был известен под своей настоящей фамилией. Город был заселён людьми с кличками. Существовал лишь один человек, который не имел прозвища, и то, может быть, потому, что его фамилия была Брехун.

У Адама Бомбея в серой тетради записаны все городские псевдонимы. И каждый горожанин отнесён в соответствующую графу. Например: Бакалея: Игнат Сахар-Медович, Семён Пшено, Порфирий Сухарь, Свирид Монпасье.

Гастрономия: Марфа Сосиска, Самсон Яйцо, Никифор Осетрина. Пух — перо: Иван Ворона, Семён Индюк, Гаврила Архангел.

Высший свет: Аксинья Королева (не Королёва, а королева!), Степан Маркиз, Савелий Золотарь.

Я начал, простите, с кличек, не шутки ради, а чтоб показать, как жили люди, как неуважительно обращались они друг с другом.

Погорельск — это тоже почти не название, а кличка. Дело в том, что наш город аккуратно горел два раза в году — ранней весной и глубокой осенью.

Горожане привыкли к пожарам, как к дождю, снегу или полиции. И, бывало, ещё летом обременённый перезрелыми дочками отец семейства говаривал:

— Выдаю замуж Лизавету. Свадьбу будем справлять осенью, после пожара...

Но пожары не служили к украшению Погорельска. На месте съеденных огнём строений вырастали такие же, кривобокие и подслеповатые хибарки, окружённые со всех стран света заливами, океанами и тому подобными лужами.

От Погорельска до железной дороги несметное количество вёрст, ухабов и болот. Большие правители к нам не заглядывали: на ближних подступах к городу мог утонуть не только слон или телеграфный столб, но и самый высокий начальник.

Порою нам казалось, что вряд ли в губернии подозревают о существовании на земной планете или по соседству такой дыры, как Погорельск.

С вашего позволения, я присяду. Когда волнуясь, не могу стоять. А волнуясь я потому, что я патриот своего города и не по душе мне выставить на показ его малоочаровательное прошлое, закутанное в лохмотья.

В одно прекрасное утро (кажется, так пишут в романах) я оставил Погорельск. Вернулся я туда (опять в одно прекрасное утро) через пятнадцать лет, а именно в 1930 году нашей эры.

Город, конечно, стал другим. Но не настолько, чтоб при первом взгляде на него я начал танцевать польку-птичку. Уже хотя бы потому, что, сделав какое-нибудь неосторожное па, я мог угодить в канаву с водой.

Я за эти годы побывал в разных местах. Я видел, как тихие и художничьи посёлки превращались в города, и я наблюдал, как зрели и хорошели города. Но всё это к Погорельску относилось в такой же мере, как цветение вишни к осине.

Давно известно, что человек растёт. Но костюм не растёт вместе со своим хозяином. Прощу извинить меня за это старое сравнение. Когда волнуясь, я не гоняюсь за яркими литературными образами.

Итак, люди в Погорельске выросли. А сам Погорельск, хотя и изменился, но всё же был похож на детские штаны, из которых давно вырос их обладатель, ставший усатым мужем.

За годы моей разлуки с родным городом здесь сменилось много руководителей. Попадались меж ними и горячие и холодные люди.

Был, например, один председатель горсовета, который страстно увлекался художественной литературой. А посему он с большим энтузиазмом переименовывал таблички на всех улицах, назвав улицы именами писателей, как русских, так и иностранных. Салтыкову-Щедрину, например, он отдал две улицы: одна — имени Салтыкова, другая — Щедрина. И появилась у нас улица имени Дюма — отца и сына.

Дальше этих художественных реформ председатель-литературовед не пошёл.

Его сменил Бакланов. Человек, о котором жители до сих пор вспоминают, как об отце родного города. За короткий срок он успел немало сделать для культуры и благоустройства.

И он бы ещё многое совершил. Но всё дело испортил один столичный корреспондент, чтоб ему пусто было! Пробыл он у нас два дня, уехал и немедленно нанёс городу сильный удар, написав в газете большую хвалебную статью о председателе горсовета.

Бакланова тотчас же забрали в область.

На его место пришёл лентяй и самодур. Фамилия его... Ну, неважно. Когда волнуясь, я забываю плохие фамилии.

— С новорождённым!

Но зато я крепко помню вот какую чудесную фамилию — Парамонов! И если наш город в этом году вышел в люди, то это сделал Парамонов.

Пётр Евсеевич Парамонов — не председатель, не заведующий, а между тем для нашего города он сейчас дороже, чем полторы дюжины председателей, заводов и заводов.

На углу улицы Фёдора Достоевского и Эмиля Золя проживает у нас вдова столяра, который в серой тетради вышеупомянутого Адама значился под рубрикой «Скобяные товары», потому что носил кличку Гвоздь.

В Погорельске, надо вам сказать, уже давно исчезли всякие прозвища и людей называют по фамилиям. Так вот у вдовы Парамоновой рос сын Петя.

Рос он у матери, но вырос он в Красной Армии. Короче говоря, капитан танковых войск Пётр Евсеевич Парамонов стал дважды Героем Советского Союза.

Вы подумайте, какая честь для города! Надо, значит, согласно Указу, установить бюст на родине Героя.

А где его прикажете установить? На грязной площади? Словом, замостили площадь, разбили цветник с орхидеями, гиацинтами и прочими гортензиями.

А как дальше быть?.. Нет, ничего, спасибо. Я лучше постою. Когда волнуясь, не могу сидеть.

Так вот — как же дальше? На площади бюст и гортензии, а вокруг да около — сопки Маньчжурии, мусор, грязь и тоска.

А тут ещё получено письмо из Берлина — Герой к Октябрьским торжествам собирается приехать в отпуск в родной город.

И вот улица за улицей начали приводить себя в порядок: за Достоевским — Тургенев, за Тургеневым — Виктор Гюго, за Виктором — Алексей Константинович Толстой, за Алексеем Константиновичем — Лев Николаевич. Всколыхнулись все классики, взбудоражились и все наши горожане.

Вот что наделал Парамонов! И об этом я прошу вас написать... Как это называется... новелла... фельетон. Точно не знаю. Когда волнуясь, я теряюсь во всех этих названиях.

Г. РЫКЛИН

Как увековечивали Швейка

БЫВАЮТ В ЖИЗН

Рис. И. Семёнова

(Отрывок из III части)

ДВАДЦАТОГО октября 1945 года, в пять часов полудни, трактир «У чаши», как обычно в это время, стал быстро заполняться посетителями. Однако и в нервном хлопанье стеклянной двери, и в торжественной озабоченности входящих завсегдатаев, и в празднично накрахмаленном фартуке мадам Паливец — содержательницы этого почтенного заведения — чувствовалось нечто особенное, значительное и необычное.

И в самом деле, сегодня трактиру «У чаши» предстояла высокая честь — встать в ряд исторических памятников города Праги. На пять часов было назначено заседание инициативного комитета по увековечению памяти старейшего завсегдатая данного учреждения, отважного участника двух мировых войн, бравого солдата Иосифа Швейка.

Когда стало ясно, что brave солдат пропал без вести, старый друг покойного сапёр Водичка организовал этот комитет и провёл среди завсегдатаев добровольный сбор средств на приобретение мраморной мемориальной доски, долженствовавшей навеки украсить собой фасад трактира «У чаши», в котором знаменитый покойник провёл немало лучших часов своей яркой жизни. Сбор дал отличные результаты, доска была приобретена, и сейчас предстояло лишь отредактировать текст надписи.

— Мои юные друзья! — начал Водичка, открывая заседание, но сразу же так разволновался, что не смог продолжать, пока не выпил рюмку сливки за счёт организационных расходов комитета. — Мои юные друзья! Мы должны решить один вопрос: как написать на доске: «Пропавший без вести» или «Павший смертью храбрых Иосиф Швейк»? Имейте в виду, что если мы ошибёмся, покойник нам этого никогда не простит!..

Мнения сразу разошлись: одни утверждали, что «павший смертью храбрых» выглядит более героично, другие считали, что надо придерживаться фактов и написать «пропавший без вести». Попробовали провести голосование, но и это не помогло: голоса разделились поровну.

— Вот что, давайте спросим у постороннего, — предложил, наконец, Водичка и обратился к пожилому человеку, который давно уже сидел у окна, читая газету и спокойно потягивая пиво. — Вы, вероятно, слышали, о чём мы спорим? Будьте любезны, скажите ваше мнение.

— На этот вопрос, — сказал незнакомец, поднимая на Водичку младенчески чистые голубые глаза, — можно ответить по-разному. С одной стороны, может быть, лучше так, а с другой стороны, вроде лучше совсем иначе. Это напоминает мне случай, который произошёл с неким Франтишекком Гонтой по дороге из Катовиц в Прагу. Он поспорил с одним из своих попутчиков, неким Иозефом Духачеком, о том, где лучше ехать на случай крушения. Гонта утверждал, что сзади, а Духачек настаивал, что впереди. Они ни до чего не договорились, поругались, и каждый поступил по-своему: Духачек полез в первый вагон, а Гонта обозвал его дураком и осторожно устроился в последнем.

— Так, так, — сказал Водичка, ещё не совсем понимая, какое всё это имеет отношение к мемориальной доске. — Что же дальше?

— Дальше? Не успели они проехать и трёх перегонов, как произошло столкновение. Их поезд сходу налетел на состав порожняка — паровоз разлетелся вдребезги, вагоны съехали с рельсов. Особенно пострадал первый вагон. Когда упрямого Духачека вытащили из-под обломков, оказалось, что у него повреждены два ребра, вывихнута нога, оторван ус и украден чемодан. Зато Гонта в своём последнем вагоне был цел и невредим. От толчка он только слетел с верхней полки на нижнюю, где спала некая Божена Морекова, незамужняя девушка с разноцветными глазами и покупными косами. Эта девушка впилась в Гонту двумя руками, подняла страшный визг насчёт своей чести и не отпускала его до тех пор, пока полицейский не кончил писать протокол. На другой день она подала в суд и потребовала, чтобы Гонта как честный человек немедленно на ней женился. Оказывается, она сорок шесть лет ждала жениха, и когда жених сам свалился ей на голову, она решила не выпускать своего счастья. После их свадьбы уже выздоровевший Духачек встретил однажды на улице Гонту, остановил его и сказал: «Ну, кто был прав? Я в своём первом вагоне заработал только лёгкую хромоту на две недели, а ты в своём последнем посадил себе на шею язву, от которой не избавишься до самой смерти».

— Ну? — нервно спросил Водичка, ожидая продолжения или хотя бы вывода. — И что же?

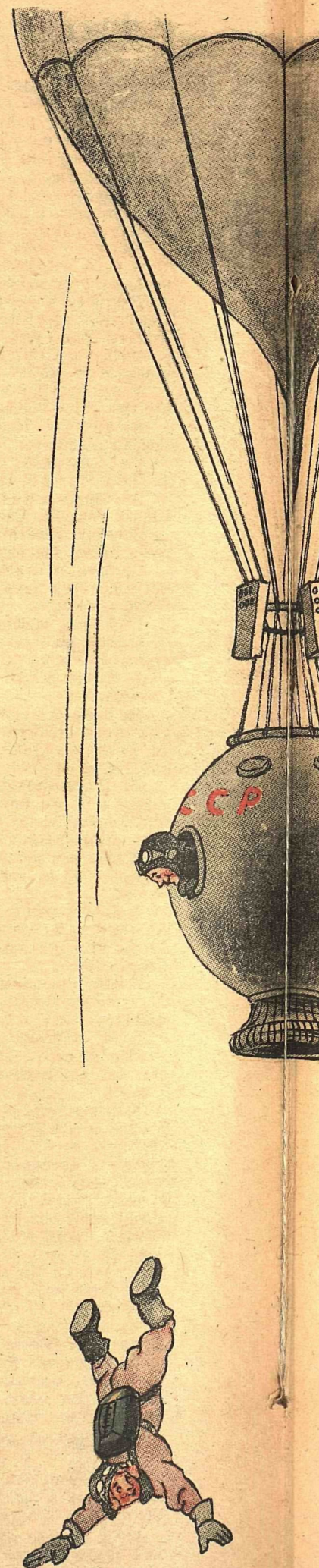
ВОЙНА И МИР

Рис. А. Каневского

— Куда сгружать? Где здесь овощехранилище № 1?
— А вот — в бомбоубежище № 2.

— Ты в стратосферу? А я — от
в клубе встретимся!

— Всё! — сказал незнакомец и с удовлетворением вернулся к своему ливу. — По-моему, этот случай доказывает, что никогда не надо делать поспешных выводов.

— Вы что, смеётесь над нами! — заревел Водичка. — Я вам покажу! Я вас заставляю отвечать за срыв работы комитета! Вы знаете, что такое ответственность?

— Так точно, знаю! — последовал спокойный ответ. — Ответственность — это, осмелюсь доложить, например так: если у вас, господин Водичка, оторвать все пуговицы на штанах и оставить только одну, то она как раз и будет нести всю ответственность.

При этих словах у Водички от ярости побелели глаза. Он уже не мог ничего сказать и только мычал.

— Боже мой, господин председатель, — удивился незнакомец, — что с вами? Пять минут назад вы были милым, сговорчивым человеком, а сейчас замахиваетесь и пугаете посторонних. Можно подумать, что вы вдруг изобрели атомную бомбу, — говорят, она на некоторых оказывает как раз такое действие... Выпейте сливянки, в прежнее время она вас успокаивала.

— В какое время? — переспросил Водичка.

— В прежнее. И вообще, дружище, ты, я вижу, стал совсем слепой курицей, если не узнаёшь старых приятелей... А что касается надписи, я думаю хоронить меня рано и лучше всего написать так: «Здесь бывал Иосиф Швейк, который... место для года оставьте... который умер естественной смертью, пережив Гитлера и всю его шайку».

Остолбенение, оцепенение, шок, паралич — все эти слова ничтожны для определения того состояния, в которое повергла Водичку радостная неожиданность.

— Ты?! — взвизгнул он тонко и пронзительно, как щенок, которому наступили на хвост.

— Я! — ответил brave солдат и принял в объятия старого друга. — Осмелюсь доложить, отныне рядовой Швейк, закончив вторую мировую войну, возвращается к мирной жизни. Знаешь, дружище, у тебя сейчас совершенно неопишемое выражение лица. Между прочим, вообще бывают события, которые очень трудно изобразить. В городской школе в Округлицах, например, был такой случай. На уроке рисования девочкам велели нарисовать, кем они хотят быть, когда вырастут. Когда учитель стал собирать рисунки, он увидел, что Маженка, дочь Вацлава Прохаски, протягивает ему чистый лист и плачет. «Что такое? — спросил учитель. — Почему ты ничего не нарисовала?» «Потому что, когда я вырасту, — ответила Маженка, — я хочу выйти замуж, но не знаю, как это нарисовать...» Да! А теперь, пани Паливец, дайте-ка всем нам по рюмочке сливянки и запишите меня в число своих завсегдатаев.

— Швейк, почему ж ты сразу не сказал, что ты живой? — спросил Водичка, всё ещё не веря своим глазам.

— Почему? — улыбнулся brave солдат. — Потому, что ещё не было шести часов. Мы же сговорились, ты помнишь, встретиться здесь ровно в шесть часов вечера после войны.

М. СЛОБОДСКОЙ

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Собака была большая, а он маленький, и трудно было понять, кто кого водит на цепочке: он — собаку или собака — его?

Сам лысый, а пишет, ох, как кудряво!

Человек, поражённый застёжкой-молнией.

— Вечно вы из мухи слона делаете!

— И хорошо, что не наоборот. Сколько бы тогда отходов получилось, — подумайте!

Бритва, безопасная для волос.

Дамочка была современной от перманента до педикюра.

Оттого, что комнату называли жилплощадью, в ней становилось неудобно, как на улице.

Повесть была добродетельна и скучна, как вагон для некурящих.

Она содрала с него семь каракулевых шкурок.

— Дайте мне — как её? На губах слово, а не выговоришь... Да, — губную помаду!

Шевелюра его была так густа, что в неё можно было втыкать перья. Никто этого не делал — и она пропала зря!

Двуличная личная секретарша.

Привык встречать по платью, и на пляже, где все были в трусах, не знал, как с кем держаться.

Характер у него был золотой, но — без пробы.

Есть люди, которым приятней думать о том, что чёлы жалят, а не о том, что они дают мёд.

Возмущённо говорил:

— Чорт бы взял эти взятки!

На чорта, впрочем, не очень надеялся. Брал и сам.

Ночью на безлюдной площади громкоговоритель походил на человека, разговаривающего с самим собою.

Никем недоволен. Говорит о людях так, точно весь мир перед ним на скамье подсудимых.

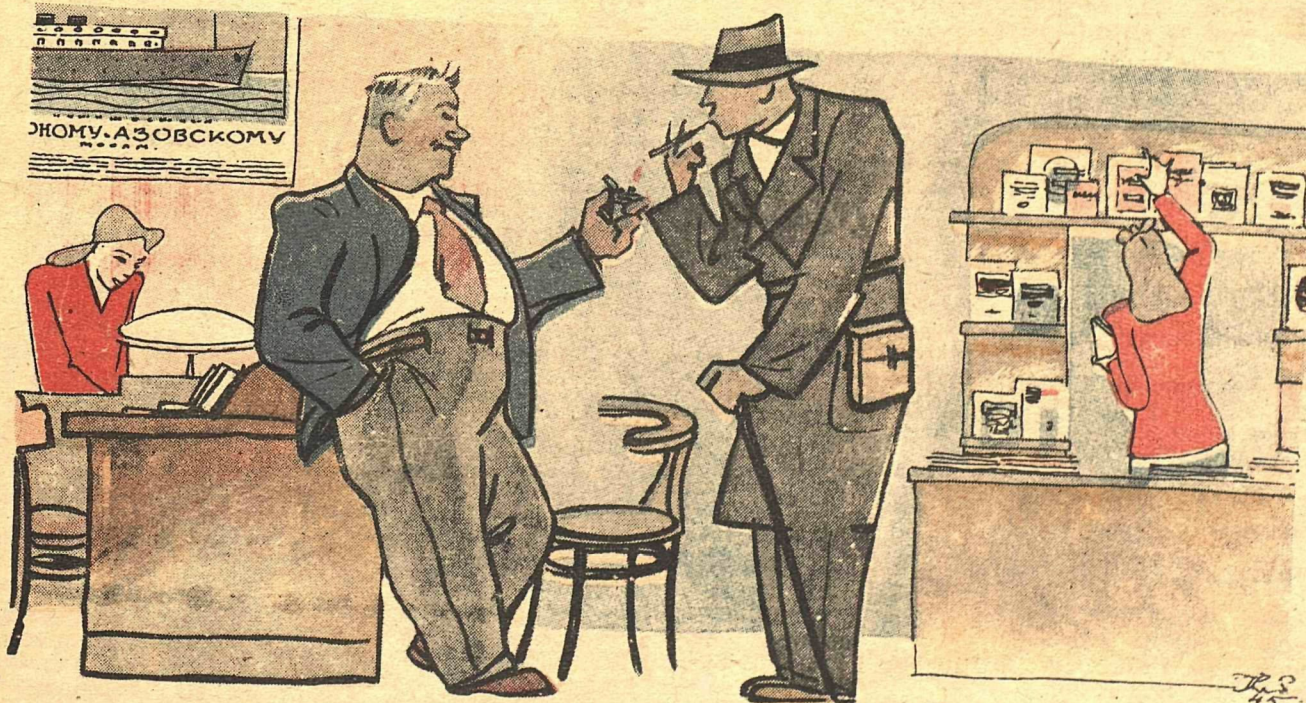
Деликатный заказчик художнику:

— До чего я, однако, не похож на свой портрет!

М. ЯКОВЛЕВ

СРЕДИ ТУРИСТОВ

Рис. К. Елисеева

туда. Ну, пока! Вечером

— А вам случалось на дальние расстояния ходить?
— Как же, был случай. До Берлина однажды дошёл.

Над кем смеётесь?

Неизменчивы и постоянны,
В фельетонах мы дружбу ведём.
С ними век: продавцы-грубияны,
И шофёр, и лентяй управдом.
Но... война... и другое — мишенью:
Управдомы, прощайте! Пока!
Предоставили без сохранения
Содержанья им всем отпуска.
Наступает конец расставаньям, —
Мир. Мы к прежним «героям» идём.
Со свиданьем, друзья, со свиданьем,
Продавец и шофёр, управдом!
Фельетон обеспечен. Не спорьте.
Тройка старых «героев» идёт.
Старый конь борозды не испортит,
Тема старая не подведёт.

* * *

Я вызвал машину... Скажу для начала:
С шофёрской привычкой давно я

знаком.
Общение с машиной всегда означало,
Что вы в результате пойдёте пешком.
Во-первых, гарантия — час опоздания,
А дальше... А дальше в дорогу? О нет!
Увы, не работает: раз — зажиганье,
Два — счётчик, три — смазка,
сцепление и свет.
Стартёр не работает всенепременно,
А если исправен стартёр, в свой черёд
Шофёр не работает — кончилась смена,
Он вас не везёт. Вам, увы, не везёт.
Итак, я за час выхожу, уповаю
На скорость метро и на верность

трамвая.
Старинную истину не забывая:
Такси с неработающим магнето —
Типичное, как говорится, не то.
Уверенно я вынимаю блокнот,
Фиксируя тему: «Такси — опоздание»,
Как вдруг, замечаю: навстречу идёт,
Основы расшатывая мироздания,
Шофёр! Ничего себе начал свой день я!

— Водитель, а, может быть, вы
привиденье?
Ответьте, вы миф? Не считите за труд.
— Нет, миф за руль не пускает

ОРУД...

Сатирику гибель! Сатирику крах!
А, впрочем, есть козырь ещё на руках:
В машине заведомо тьма неполадок.
— Со светом, увы, неполадок?

— Порядок!
— Водитель, прошу вас не ставить
загадок,
Стартёр не берёт?

— Со стартёром порядок!
Так что ж, я не знаю шофёрских
повадок?
— Ваш счётчик, признайтесь, испорчен?
— Порядок!

— Но вы объяснить мне должны
непрерывно,
Откуда такая у вас перемена?

— Ответить, — сказал он мне, — не
премину:
На фронте я пробыл всю эту войну...
Там термина «точно» никак

не забудешь,
Коль точен не будешь, то вовсе
не будешь

Ходить по земле и девчонку любить,
Баранки жевать и баранку крутить!
С любимым объектом сатирик расстался.
Сюжет популярнейший списан в расход,
Но для фельетона в запасе остался
Ещё управдом. Этот не подведёт!

* * *

Как рад я повстречаться с ним!
Приятель фельетонной лиры,
Извечный персонаж сатиры

Неизменим, незаменим.
Непреходящие черты:
С покон веков у управдома
Насчёт порядка, чистоты
Не всё, как говорится, дома.
Грязь с бельятажа до карниза
И со двора до чердака.
Живёт он вечно под девизом:
«Работа ищет дурака —
Она не волк, медведь — тем мене,
Работа может подождать».
Касательно озелененья
Имеет он такое мнение:
«Мы здесь имеем не именье,
Чтобы цветочки насаждать».
И вдруг... Повисли капли-слёзы
На сатирическом пере.
Сатирик предан! Во дворе
Наш управдом сажает розы!

Нет, мы реальней не найдём
Лишиться разума угрозы.
Скажите ж мне, какие розы
Нам приготовил... управдом?
Где я? Ответьте мне скорей:
Он управдом или Гименей?
Двор раем стал. А был клоака.
И управдом в ответ тогда:
— Не Гименей я, ерунда.
А, впрочем, был я богом брака,
Но в смысле качества труда.
Теперь...

— Откуда же цветы?
Голубчик, перейдём на ты!
Мы лет пятнадцать жили рядом.
Ты, может, ездил по фронтам?
Как тот шофёр возил снаряды,
Имел отличья и награды
И стосковался по цветам?

— Нет, я на фронте вовсе не был.
Мой фронт — ремонт, водопровод...
Но я Москвы запомнил небо
В далёкий сорок первый год.

Нет, в небе не считал я галок,
Я дома судьбами вершил,
И не считал я зажигалок,
Что я на крыше потушил.

И под зенитные разрывы,
В бомбёжке, громе и пальбе.
Весьма стандартные призывы
Я сам выкрикивал себе.

Я призывал себя всё пуще:
Нет, управдом, пути назад.
На свой взгляд ты дом цветущий!
Борись за свой цветущий сад!

Когда же я спустился с крыши,
В смущеньи кепку теребя,
Я осмотрелся и себя
Я стал вести намного тише:

Весь дом в грязи, ему присущей,
И ветви чахлые висят.
Нет, дом был вовсе не цветущий
И вовсе не цветущий сад...

И я теперь расстался с ленью,
Заставлю дом и сад цвести,
Чтоб под своё определение
Их в результате подвести.

Дом будет пышным, сад — красивым.
Сейчас, как символ, как зарок,
Позвольте мне преподнести вам,
Сатирик, этот вот цветок!

Нет, есть в пороховницах порох,
И в баке есть ещё бензин,
Не будем тратить время в спорах,
Водитель, едем в магазин!

Вот продавщица, и коль скоро
Вошёл ты, не уйдёшь как раз
Без «джентльменского набора»
Не раз ласкавших ухо фраз.

Здесь волю дам карандашу!
Вхожу. Готов единым духом

Мой фельетон. И вдруг над ухом
Я слышу: — Милости прошу!
Как? Как? Конечно, показалось.
Стал хуже слух, какая жалость!
Ещё попытка: — Есть табак?
(Уж тут до грубости недолго).
— Пардон, «Москва», прошу вас,
«Волга»;

«Казбека» нет, простите...

— Как?

Ах, понимаю, я во сне

Заснул, и снится сон разине,

Но продавщица молвит мне:

— Вы не во сне, а в магазине.

— Не сплю? [Что ж, сам я виноват,

Сошёл я, если вам угодно;

С ума! Садитесь, я вам рад

И можете вести свободно.

Меня... в больницу... Я здоров?

Тогда прошу, без лишних слов

Незамедлительный ответ:

Ведь, продавщица вы, поймите!

Так отчего ж вы не хамите?

Вы что, в боях бывали?

— Нет.

— Так, может, бросив лавку эту,

По крышам ползали в огне?

Иль, нормы перекрыв втрое,

Трудились на заводе где-то?

— Не заменяла я мужнину

На тракторе и у станка,

На фронте не вела машину,

И жизнь сравнительно легка

Была мне. Это помню, знаю;

Не мной добит фашистский волк.

Хоть чем-то оплатить должна я

Свой вечный, неоплаченный долг?

Сатирик ищет под рукой

Неблагодарные натурны.

Зачем мне дурой быть такой?

А он, мятежный, ищет дуры,
Как будто в дуре есть покой!
Вот всё, что я могу сказать...

Покупку вашу завязать?

— Вяжите, — я вскричал, — вяжите!

Меня вяжите, продавец!

Конец верёвки одолжите:

Пришёл сатирику конец!

И начал петлю я вязать,

Заплакал, дёрнулся, ругнулся

И... по традиции скажите

Я мог бы: «Тут я и проснулся»!

Но...

* * *

...Отступим от старых приёмов

И поддержим сегодня молву,

Что шофёров таких, управдомов,

Продавцов я встречал наяву.

Не случайно коней мы поили

Шпрейской, одерской дальней водой.

Над кострами страды боевой

Много старого мы опалили.

Слишком рано безгрешья обет

Нам давать. Пожелаем меж тем мы,

Чтоб старели «извечные темы»,

Постепенно сходили на-нет

Бюрократы, лъстецы... Чтоб сдавали

Мы экзамен на жизнь без «хвостов»,

Чтобы «шляпу» всегда мы снимали

Даже с самых высоких постов,

Чтобы сдачу в трамваях давали,

Чтоб поэты писали всерьёз,

Чтоб мороженое продавали

В жаркий день, не в трескучий мороз,

Чтоб когда-нибудь не побояться

Нам сказать (юморист, холодей!),

Что нам незачем больше смеяться

Над дефектами наших акдеи,

Чтоб сатирик беспомощно поднял

Робкий взор на вопрос лобовой:

— А над кем вы смеётесь сегодня?

И ответил: — Увы, над собой!

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

Рис. В. Фридкина

— Зачем тебе два билета, мальчик?

М А С К А

— А нас двое.

— Он тебе губную гармошку привезёт, — заявил Светик, пятилетний сын инженера Макарова, немислимый фантазёр и задира; у Светика папа на фронте не был, и он изобрёл себе какого-то дядю Васю, который, по словам Светика, воевал всю войну «в столице Вены Австрии».

— А почему губную гармошку? — спросила Зоя.

— А чего ж он тебе привезёт?.. Вот мой дядя Вася мне письмо написал, что он, мне, знаешь, чего привезёт?..

— Чего?

— Знаешь, чего?.. — Светик лихорадочно придумывал для себя подарок. — Он мне, знаешь... Он мне привезёт...

— Ну и пожалуйста, — сказала Зоя.

— А твой папа — офицер? — спросила Наташа Белкина.

— Ага. Он майор.

— А мой папа — капитан. Нам Зинаида Павловна сказала, что мы все должны гордиться нашим папой, потому что он воин...

— А ты уже гордилась?

— Ага.

— Когда мой папа приедет, ты приходи ко мне гордиться. Ладно?

— Ладно. Мы сперва у тебя погордимся, а потом к нам пойдём...

— А мой дядя Вася, — вдруг сказал Светик, — знаешь, кто? Он, знаешь, кто? Он генерал старший лейтенант. Вот он кто!

— Ты только не выдумывай, — строго сказал Алёшка, — таких и не бывает...

— Это у тебя не бывает, а у дяди Васи бывает. Вот!

— Ну ладно. Довольно глупости говорить, — сказал Алёшка. — Зоя, вот твой папа приедет, ты чего ему скажешь?

— Я скажу: здравствуй, папа...

— А ещё чего?

— А я не знаю.

— Ну вот, давай, я как будто твой папа. Как будто я приехал. А ты меня встречай и говори. Ладно?

Алёшка куда-то ушёл и очень скоро вернулся с деревянным автоматом на плече.

— Здравствуй, дочка Зоя! — сказал он басом.

— Здравствуй, папа. С приездом!

— Спасибо.

— На здоровье.

— Ну, как ты здесь в тылу жила? — спросил Алёшка.

— А я не в тылу жила. Я дома жила.

— Это хорошо, — сказал Алёшка, сворачивая козью ножку и начиная её песком. — Ну, а вообще, как живёшь?

— Хорошо. Я маме помогаю, Алёшка. Я сама раздеваюсь, сама сплю...

— Он теперь не Алёшка. Он теперь тебе папа, — напомнил Светик.

— Светик, не мешай, — сказала Наташа Белкина.

— А как ты, папа, живёшь? — спросила Зоя.

— Ничего. Хорошо. Разбил всех захватчиков и вернулся восвоюси...

— С приездом, папа!

— Это ты уже один раз говорила.

— Ты у него спроси, Зойка, как он воевал, — не без ехидства предложил Светик.

— Папа, ты как воевал?

— Неплохо воевал. На «отлично», — Алёшка затаился из козней ножки. — Я за вас там дрался, малыши...

Главная радость

ОНА очень мало знала его. И было трудно понять, успела ли она его полюбить. Когда в сорок первом ей сказали о том, что он едет на войну, она засмеялась, захлопала в ладоши и сказала:

— Киса... Баба...

Он не стал упрекать её в легкомыслии. Он не ждал объяснений ч длинных фраз. У него не было для этого времени. А ждать нужно было долго, года три, пока она научится говорить.

В сорок первом ей исполнилось два года. А ему было уже двадцать шесть, и все ребята во дворе здоровались с ним и называли его «зойкин папа».

В золотой осенний день сорок пятого года Зоя вышла во двор. Она была настолько взволнована, что не стала даже прыгать через верёвочку, а прошла прямо в садик, где обычно собиралось всё общество.

Зоя остановилась у скамейки и сказала:

— Все девочки, все ребята, слушайте, чего я скажу... Мой папа приезжает... Вот.

Общество встретило новость вполне сочувственно. Алёшка, посмотрев на Зою, сказал:

— Это хорошо. А чего он тебе привезёт?

Вопрос был задан неспроста, ибо не далее, как месяц назад, Алёшка получил в подарок от приехавшего отца роскошный аккордеон. И теперь Алёшка почти не расставался с подарком. Играть он, разумеется, не умел, но зато здорово делал вид, что собирается играть. Он садился, накидывая на плечо ремень, и обращался к галдевшей от нетерпения аудитории:

— А потише нельзя?..

Когда наступала тишина, Алёшка брал аккорд. По мелодичности звук этот мог сравниться лишь с воем трамвайных колёс на крутом повороте. Все с трепетом ждали продолжения чарующей мелодии. Но продолжения не было. Алёшка снимал аккордеон и печально говорил:

— Раз вы музыку не понимаете и все шумите, я играть не буду.

После чего резво относил аккордеон домой и возвращался во двор повеселевшим и отряхнувшимся с плеч непосильный груз ответственности за сохранность своего перламутрового чуда.

— Чего же он тебе привезёт? — повторил вопрос Алёшка.

— А я не знаю, — простодушно ответила Зоя.

— А вчера ты за кого дрался, когда тебе от мамы попало? — спросил Светик.

— Светик, не мешай! — сказала Наташа Белкина.

— Ещё слово скажешь, — спокойно сказал Алёшка, — и я тебе...

— Ладно, я не буду, папа! — испуганно сказал Светик.

— Воевали мы неплохо, — продолжал Алёшка. — Как-то лёг на курс. Утром встаю, вижу — три «мессера». Ну, я — раз!.. И всех сбил...

— С ног? — спросил Светик.

— Скажи, скажи ещё слово!

— Папа! — Зоя поправила пальтишко. — Мама сказала, что ты можешь приехать с минуты на минуту. Почему ты только на минуту можешь приехать? Тебе обратно надо на войну, да?

— Нет, дочка Зоя, — солидно сказал Алёшка, — вся война кончилась. У нас теперь победа... А сейчас бы неплохо хлопнуть по маленькой...

— Иди, — сказала Светику Наташа Белкина, — он тебе сейчас хлопнет. Это ты и есть маленький...

Светик на всякий случай отошёл на несколько шагов и сейчас же вернулся, крича:

— Зойка!.. Твоя мама идёт, а с ней ещё кто-то... Это, наверное, твой папа.

Зоя увидела маму. Она улыбалась. А рядом с мамой стоял незнакомый человек в военной форме.

— Зойка, — прошептал Алёшка, — это твой папа. Беги. Говори ему слова, которые мне говорила!..

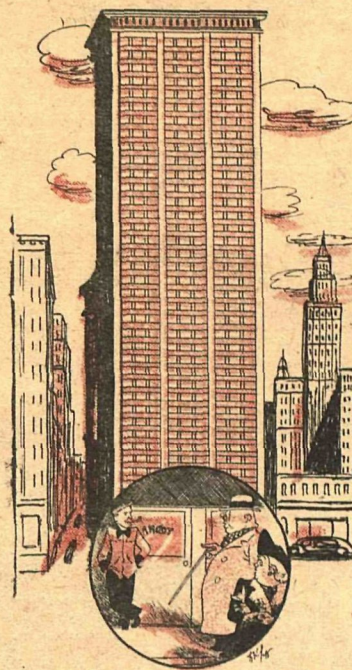
Зоя побежала навстречу папе. Он обнял её, поцеловал и подкинул в воздух. Зоя на мгновение увидела двор, клумбу, Алёшку, Светика, а потом совсем близко глаза отца.

— Здравствуй, папа! — сказала Зоя и почувствовала, что она вдруг забыла все слова.

Приехал папа, и это была большая, самая главная радость.

Борис ЛАСКИН

Рис. В. Клиича

— Поднимите меня на тридцать пятый этаж.
— Поднимите сперва мою зарплату, мистер!

НАСТЕНЬКА

Настя в вальсе кружится —
Нет её стройней.
Вышивки и кружева
Кружатся на ней.
На ней платочек красненький,
Что маки на земле.
Нет лучше Настеньки
Девушки в селе.
Были ночи грозные,
Не было весны.
Были очи слёзные,
А теперь ясны.
Нет светлее праздника

В жизни молодой.
На груди у Настеньки
Орден золотой.
Сапоги солдатские
Нынче в сундучке.
Туфли ленинградские,
Эх, на каблучке.
И гимнастёрка сложена —
На память сохранить.
Ей теперь положено
В кофточке ходить.

Алексей ФАТЬЯНОВ

— Вот теперь мы отдохнём, Джон!..

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПРИВЕТ

Плакаты и флаги у каждого дома.
Любому из нас это с детства знакомо,
Но можно ли радость сдержать?
Мир с бою взят снова
Для края родного.
И всё это ново
Опять!

В день праздника мы никого не забудем.
Всем людям большим и всем маленьким
людям,

Героям великих побед,
Бойцам, офицерам,
Жнецам, инженерам,
Милиционерам
Привет!

Прошли, отгремели военные годы.
Где вы, кто со славой закончил походы?
Поздравить хотел бы я вас:
Кого с повышением,
Кого с назначением,
Кого с увольнением,
В запас!

Нас крепче сплотила военная служба,
Вовек неразрывна советская дружба.
Я шлю поздравленья мои:
Одним с возвращением,
Другим с награждением,
Иным с прибавлением
Семьи!

Покрыты чехлами суровые танки.
Товарищ! Работы по горло «в гражданке»:
Всем людям огромной страны
Станки и жакеты,
Замки и конфеты,
Коньки и береты
Нужны!

В день праздника мы никого не забудем.
Всем людям большим и всем маленьким
людям,

Героям великих побед,
Учёным, шахтёрам,
Певцам, комбайнёрам,
Портным и монтерам
Привет!

Ал. РОХОВИЧ

ОДНАЖДЫ...

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

Однажды директор кронштадтского драматического театра пригласил в контору театра известного актёра Бураковского и, потрясая только что полученной местной газетой, где были напечатаны разоблачения каких-то сомнительных мероприятий дирекции, закричал:

— Это дело ваших рук, господин Бураковский!.. Безобразия!..

— Скажите вашим певцам, господин директор, что они ввели вас в заблуждение...

— У нас нет никаких певцов... У нас только драматические актёры. Каким певцам?

— Хорошим певцам!.. Тем, которые берут «до»... носом.

ТОЧНО ПО ДОГОВОРУ

Однажды после первого выступления артистки Вьяльцевой поклонник её шепнул присутствовавшему на спектакле рецензенту «Театрального листка»:

— Обещаю вас поблагодарить!..

Рецензия в «Листке» на другой день начиналась словами:

«Юная дебютантка кое-что обещает в будущем...»

Рецензенту уплатили вперёд только часть оговорённой суммы, пообещав полностью «отблагодарить» после второго дебюта.

О втором выступлении было написано: «Дебютантка частично оправдала наши надежды... Задатки её, однако, заслуживают внимания...»

Где зарыта собака?

или

ОДИН ИЗ «ЮРИДИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ» БЕЛЬЗЕНСКОГО ПРОЦЕССА

Прокурор (к подсудимому):
— Вы, говорят, травили псами...
Защитник («уточняя» вопрос):
— Иль иногда собаки сами, Ориентируясь на вас, Пересобачивали?
Подсудимый (по-немецки):
— Вас?
Защитник (не понимая немецкого):
— Он мне грубит! Что это значит?
Потерпевший (указывая на подсудимого):
— Он всех собак пересобачит!
Защитник:
— Он не кусал, однако, сам?
Потерпевший (недоумевая):
— Н-нет...
Защитник (к суду):
— У меня вопросы к псам.
Председатель (укоризненно):
— Вы ведь не псарь, судя по фрак?
Прокурор (не очень громко):
— Но в крючкотворстве съел собаку!
Защитник (к подсудимому):
— Вы не науськивали их?
Подсудимый (по-немецки уклончиво):
— Их? Я — не я, их бин нхт их!

Защитник (к потерпевшему):
— Вы не могли б на случай всякий Нарисовать портрет собаки, Вас искусавшей: возраст, рост, Нам рассказать про хвост...
Потерпевший (механически повторяя):
— Про хвост!
Защитник (продолжая):
— Масть обозначить, — правды ради...
Потерпевший:
— Не разглядел: кусала сзади!
Защитник:
— Что за порода: дог иль шпиз?
Как, скажем, звали: «Ганс» иль «Фриц»?
Потерпевший:
— Я и не звал — бежала следом...
Защитник (к суду, резюмируя):
— Пёс потерпевшему неведом!
(К потерпевшему)
Как опознать, скажите, ту — Я предпочёл бы ясность мраку — Псевдофашистскую собаку?!.
Потерпевший (вглядываясь в защитника):
— По профашистскому хвосту!

Эмиль КРОТКИЙ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЗАСТЕНЧИВЫЙ РЕБЕНОК

Один из президентов США, Гарри-сон, родился и вырос в маленьком, захолустном городке. Он был настолько тихим и застенчивым ребёнком, что многие считали его дурачком и часто подшучивали над ним. Одной из излюбленных шуток была следующая: ему предлагали взять на выбор пять или десять центов, и маленький Вильям неизменно выбирал пять. Окружающие покатывались от хохота. Одна женщина сжалась над несмышлёным ребёнком и спросила, почему он выбирает пять центов, когда десять хотя и меньше по размеру, но стоят в два раза дороже.

— Я знаю это, — ответил будущий президент, — но если я буду брать десять центов, то они перестанут повторять свою шутку, и я не получу даже пяти.

ЕСЛИ...

Молодой человек, сочиняя письмо любимой девушке, впал в поэтическое настроение. Он писал, что ради счастья лицезреть её он готов на любые подвиги, что он преодолеет все препятствия: переплывёт реки и океаны, не остановится перед высочайшими горами и глубочайшими пропастями... готов померяться с любыми дикими зверями, которые преградят ему путь к любимой...

Подписав своё послание, он приписал внизу: «Я зайду за вами в субботу вечером, если не будет дождя».

ВСЕ НА СВОЕМ МЕСТЕ

Рис. Кукрыниксы

КУКУРЫНИКСЫ

ГЕСС: — А состав правительства, я вижу, не изменился!

Рис. А. Пахомова (Ленинград)

Песня слышалась или
Ветер балтийский шумит?
...Тучи над городом плыли,
В тучах кружил «мессершмитт».

Долго бойцы дожидались
Битвы за город — и вот...
Дети с отцом распрощались
Где-то у Нарвских ворот.

Песню победы и славы
Город допел до конца.
Где-то у Нарвской заставы
Дети встречают отца.

Вонн жене улыбнулся,
Молвил ребятам: — Ну, вот,
К Нарвским воротам вернулся
От Бранденбургских ворот!
М. ЛИГОВСКИЙ.

Начитавшись хороших пьес, я тоже решил написать хорошую пьесу. Как выяснилось, пределов хорошего нет, с чем от души я и поздравляю читателей.

«Вот это да!»

Лирическая пьеса в 3 актах

Действующие лица:

Заварихин, Федот Лукич — старый машинист.

Агафья Андреевна — его жена.

Ольга — их дочь. Чертовски красива.

Олимпиада (Липа, Тапа, Куся) — их воспитанница с 18 лет. Молодость, веснушки, задор.

Захар Захарович — управдом. Говорит в нос.

Анисья Ивановна — его жена. Говорит туда же.

Валентин Валентинович Красавин, 29 лет. Талантливый адвокат. Кавалер.

Неизвестный, 41 года. Иногда сутулится, иногда — нет. Как когда.

Голубев, Иван Дмитриевич — Герой Советского Союза. Генерал-майор танковых войск. Занят более серьезными делами, поэтому в этой пьесе не участвует.

Гости, соседи.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в квартире Заварихиных. Окна, двери. Всё это накладывает печать уюта и покоя. Входит Агафья Андреевна. Ей 55 лет и 8 месяцев.

Аг. Андр. (У телефона): — Слушаю вас... Его ещё нет... Знаю, что он лучший машинист на дороге, но он ещё не пришёл (кладёт трубку).

Заварихин (входит): — Здорово, мать! Кто-нибудь звонил мне по важному делу?

Аг. Андр.: — Звонили, Федотушка, звонили... Ох уж эти мне звонки!

Заварихин: — Ничего, мать, ничего! Заварихин прошёл сорок миллионов километров на своём паровозе... Наша, наша заварихинская закуска. (У телефона.) Алло!.. Кудряшова мне. Вот что, Кудряшов: хоть ты и лучший после меня машинист, но помни мои указания... Знаю, знаю, что ценишь их (скромно), не надо, Тимофей... Я знатный, но скромный. Слушай меня: когда поведёшь наш красавец паровоз, следи, чтобы все колёса вертелись. В нашем деле это — главное. Всё! (Вешает трубку, пьёт, закусывает.) Ну, как наша дочка Ольга?

Аг. Андр.: — Федот, четыре года назад муж Ольги Андрей уехал, и нет от него вестей...

Входит Олимпиада. Она вошла, и кажется, весна ворвалась в комнату.

Олимпиада (озирается): — Хорошо здесь у нас!.. Четырнадцать лет тому назад вы взяли меня на воспитание, одинокую сироту, а сейчас я лифтер одного из крупнейших наших наркоматов. Какое блаженство! Дух захватывает! (Всё более и более оживляясь.) Нажмёшь кнопку — и будто крылья у тебя вырастают. Летишь на лифте вверх, вниз, вверх, вниз... Хорошо!

Входит Неизвестный. В шинели. Огромная, густая борода. За спиной вещевой мешок.

Неизвестный: — Заварихины здесь живут?

Аг. Андр.: — Тут, милый, тут. А вы кто же?

Неизвестный: — Пока хотел бы остаться неизвестным.

Аг. Андр.: — В таком случае у нас и проживёте. Липочка, готовь к столу.

Неизвестный: — Мерси.

Аг. Андр.: — Хорошо вы сказали это «мерси»... Душевно.

Заварихин: — Присаживайтесь. Закусывайте.

Неизвестный (присаживается, закусывает): — Хорошо здесь у вас! Чем-то от вас вест.

ШУТКИ МАРКА ТВЕНА

РЫБНАЯ ДИЭТА

Одно время в американской печати усиленно рекламировалась рыбная диета, как якобы чудодейственное средство для стимулирования мозговой деятельности. Твен получил письмо от молодого человека, желавшего стать писателем. Тот предлагал свои рассказы и просил у старшего коллеги совета: сколько следует ему есть рыбы в день, чтобы достигнуть совершенства в литературном ремесле? Присланные рассказы были безнадежно плохи. «Судя по приложенным образчикам вашего творчества, — отвечал Твен, — вам следует начать с двух китов ежедневно».

В ГОСТИХ У ГУБЕРНАТОРА

Когда Гровер Кливленд (в будущем президент США) был избран губернатором штата Нью-Йорк, Твен, который был знаком с Кливлендом по прежним встречам, решил его навестить. Он направился в резиденцию губернатора и был принят Кливлендом в его огромном кабинете.

— Мы стояли и дружески беседовали, — рассказывал Твен. — Вудучи от природы крайне ленивым человеком, я не удержался и присел на край губернаторского письменного стола. Мы продолжали беседовать. В этой гигантской комнате было шестнадцать дверей. Внезапно они

распахнулись и из каждой двери появилось по молодому человеку. Молодые люди направились к нам и стали в ряд с выражением готовности на лице и, видимо, ожидая приказаний. Наша беседа смолкла. Я был озадачен.

— Джентльмены, — обратился губернатор к молодым людям. — Вы можете вернуться. Я не вызывал вас. Мистер Клеменс сидит на звонках.

Я сидел на шестнадцати звонках. Каждый из них соединял губернатора с одним из его секретарей.

ВИЗИТ РЕПОРТЕРА

В пожилые годы Марк Твен привык писать, лёжа в постели. Дочь Твена в своих воспоминаниях рассказывает, как однажды, во время заграничного путешествия Твена, в Вене, его навестил в гостинице репортёр. Хотя был уже полдень, Твен ещё находился в постели. Жена Твена, очень чувствительная к светским приличиям, была смущена.

— Ты не думаешь, что будет неловко? — обратилась она к мужу. — Он будет сидеть, а ты в постели.

— Что ж, Ливи, — возразил Твен, — если ты думаешь, что будет неловко, приготовь и ему постель.

Собрал и перевёл
А. ИСАКОВ

Аг. Андр. (простодушно):— Теплом от меня веет. Вот чем.

Олимпиада:— Бабушка, я постель постигла.

Заварихин (Неизвестному):— Прошу ложиться.

Входит Ольга. Она дьявольски хороша.

Ольга:— Здравствуйте, родные!

Заварихин:— Оленька, знакомься. Это наш дорогой гость. Совершенно неизвестный. Жить у нас будет.

Ольга:— Добро пожаловать. (Дружески жмёт руку Неизвестному.) Ну, я к себе пойду... (Ушла.)

Аг. Андр.:— Бедняжка!

Неизвестный:— А что с ней?

Заварихин:— Муж у неё пропал... Андрей... С детства вместе росли в этом доме.

Неизвестный (снимает вещевой мешок. Ложится. Все тихо уходит из комнаты).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Прошло три дня. Входит Ольга. Она как-то посвежела, помолодела. Ей 31 год, а на вид не больше тридцати. В руках у неё портрет мужа Андрея.

Ольга (глядя на портрет): Прости меня, Андрей... И радостно мне и страшно... Он ворвался в мою жизнь... Прости, Андрюша!

Входит Неизвестный. Шинель, вещевой мешок.

Ольга (вздрагивает):— Вы?

Неизвестный:— Я... Пришёл проститься... Еду.

Ольга (сквозь большую душевную боль):— Уже?

Неизвестный (увидев в руках её портрет, покачнулся, но так, что зритель этого не замечает).

Ольга:— Что с вами?

Неизвестный:— Не обращайтесь внимания. Пустяки.

Ольга (опустила портрет):— Вы такой... такой...

Неизвестный:— Какой? Говорите.

Ольга:— Такой... Не могу найти нового слова. Все слова для этого слишком банальны. Неизвестный:— Поймите.

Ольга (закусила губу. Видимо, ищет. После большой, мучительной паузы, радостно):— Нашла! Вы такой сильный, смелый... (сказав это, роняет на стол корпус, из него выбрасывает руки, на них кидает голову).

Неизвестный:— Ольга! Где нашли вы эти слова?

Ольга (подняла голову. Закусила губу. Снова выпустила её из зубов):— Родной!.. (Убежала.)

Неизвестный (долго стоит, глядя ей вслед):— Вот она — жизнь! Но что со мной? Гвардии старший лейтенант, что с тобой? (Лицо его принимает напряжённое выражение, будто он прислушивается к какому-то большому, внутри его происходящему процессу: Но вот процесс закончился. На лице — радость.) Так и есть! У меня выросло ещё одно крыло. (Убежал.)

В комнату вбегает Олимпиада, за ней Валентин Красавин.

Валентин:— Липа! Тапа! Куся! Выслушайте меня.

Олимпиада (опустила голову):— Я вас слушаю.

Валентин:— Я адвокат. Я не оратор. Я не умею говорить, но вы должны почувствовать.

Олимпиада (лукаво):— Что почувствовать?

Валентин:— Как я вас...

Олимпиада (нетерпеливо):— Ну!..

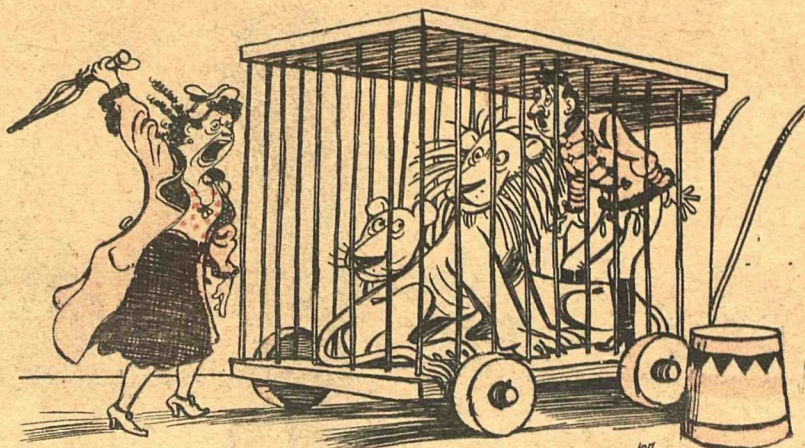
Валентин:— Не могу я, Липа, произнести это слово. Я сильный, смелый... Но этого слова сказать не могу.

Олимпиада:— А если я скажу, вы сможете повторить?

Валентин:— Попробую.

Олимпиада:— «Люблю»... Ну!..

Валентин (пытается повторить):— Бэ... бэ... мэ... мэ... Нет, не могу!

— Вылезай немедленно, если ты не трус!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вечер следующего дня. Та же комната. Посреди сцены большой стол, накрытый для торжественного ужина. Толпятся гости. Справа ширма.

Заварихин:— Прошу дорогих гостей к столу.

Гости шумно кидаются к столу. Наливают рюмки.

Аг. Андр. (с бокалом в руке):— Нынче у нас, дорогие мои друзья, две радости. Первая радость, что внучку нашу приёмную, Липочку, Кусеньку, Тапочку, замуж выдаём за хорошего человека. А вторая наша радость, что Ольга, дочь наша любимая, тоже нашла хорошего человека. Отмучилась — и замуж выходит. Общие возгласы радости, удивления и тому подобное.

Все:— Горько!

Ольга тянется к Неизвестному, но в это время распахивается дверь и с шумом врывается управдом. Он завернут в одеяло, за ним жена.

Управдом (кричит):— Стойте! Приостановите!

Жена (выталкивая его за дверь):— Уйди, срамник! Последний свой костюм жильцам отдал — теперь в одеяле ходит.

Управдом:— Считаю долгом сообщить, что муж Ольги Федотовны жив.

Ольга (видимо, за короткую секунду многое передумала, многое пережила):— Если это правда, то свадьбы моей не бывать. (К Неиз-

вестному.) Прости меня, любимый. Не знаю, кто ты, понятия о тебе не имею, но полюбила тебя. Если же Андрюша жив, скажу тебе прямо: его люблю я больше, его буду ждать, ему буду принадлежать!

Общее оживление. Различные возгласы. Во время суматохи Неизвестный скрывается за ширмой.

Аг. Андр.:— А где же гость-то наш? Обидела ты его, Олюшка!

Олимпиада:— Смотрите, смотрите! Гость наш волосы на себе рвёт!

Все оборачиваются к ширме, через которую в комнату летят клочья волос.

Голос Неизвестного (из-за ширмы):— Не волнуйтесь, граждане, это я стригусь.

Все застыли. Из-за ширмы выходит Неизвестный. Но сейчас его узнать нельзя. Чистое лицо, без всякой растительности. Это Андрей, муж Ольги.

Ольга, Заварихин Агафья Андреевна (вместе):— Андрюша! Ты!

Андрей (подходит к Ольге):— Да, Ольга, это я. Я был на Карпатах и на других хребтах. Пришёл сюда. Никто меня не узнал. Я хотел испытать тебя бородой, и ты испытание выдержала. Спасибо тебе. Теперь я знаю, что ты меня...

Ольга (кидаясь к нему на шею): Люблю! Все:— Ура! Ура!

Заварихин (ко всем): Вот это да! Занавес.

Алексей БОНДИ

ПЕРМАНЕНТНЫЙ СЛУЧАЙ

Рис. В. Горяева

— Обидно, я для него шестимесячную заставку сделала, а он меня через месяц бросил!

ЖЕРТВА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

— Как вы дошли до состояния такого глубокого опьянения? — спросил судья.

— Я попал в плохую компанию, гражданин судья. Нас было четверо, а на столе полная бутылка водки. И всё, кроме меня, непьющие.

В ПОИСКАХ СЮЖЕТА

— Откуда вы взяли сюжет для вашего второго романа?

— Из киноварианта моего первого романа.

ПЛОХАЯ ПАМЯТЬ

— Здравствуйте!
— Здравствуйте!
— Вы не узнаете меня?
— Нет.
— Значит, у вас такая же память, как и у меня, потому что я вас тоже не узнаю.

БОЛЕЗНЬ С ОСЛОЖНЕНИЕМ

Рис. Б. Клинка

— Скажите вашей жене, что её недомогание — не что иное, как надвигающаяся старость.
— Знаете, доктор, скажите-ка лучше это ей сами.

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
ОБЯЗ. ЭКЗ.
1945 г.

С ПРАЗДНИКОМ ВАС!

Рис. Л. Бродаты

— Лучший подарок к празднику — карта СССР, новое дополненное издание.

Период
и ссз а

Получ.
в р. д.

Сдан

9/XI-45